

ПОТЕРЯННЫЙ ДОКУМЕНТ ХРАНИТ ТАЙНУ...

ФРАНЦУЗСКОЕ НАСЛЕДСТВО

ЕЛЕНА
ДОРОШ

ВЕЧЕРНИЙ ДЕТЕКТИВ

Елена Дорош
Французское наследство
Серия «Вечерний
детектив Елены Дорош»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70334851
Французское наследство: Эксмо; М.; 2024
ISBN 978-5-04-199412-9

Аннотация

У юной пианистки Яны Шум убивают бабушку, и ее собственная жизнь тоже оказывается под угрозой, когда в доме несчастной старушки преступник не находит того, что искал. Так ради чего он готов убивать снова и снова? Из-за совершенно незнакомой девушки Савва Бехтерев втягивается в очень странную и неприятную историю. Она не имеет к нему никакого отношения, но без Саввы Яна могла бы погибнуть, так и не раскрыв семейный секрет...

Елена Дорош пишет для тех, кто не впадает в уныние, не боится испытаний и ждет от жизни только хорошее. Ее книги – не просто детективы. Они не только о любви. Каждая открывает увлекательную, порой малоизвестную сторону человеческого бытия.

Содержание

Утро со стариком	7
Савва Бехтерев – альтруист и филантроп	12
Тяжелые денечки	19
Шум за стеной	26
Бабушка Наташа	31
Конец ремонта	39
Письмо	44
Таша, Маша и Таняша	53
Досадная случайность	62
Линди-хоп	72
Так вот ты какой, Прованс!	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Елена Дорош

Французское наследство

© Дорош Е., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Утро со стариком

Они проснулись одновременно. Рано утром. В последнее время такое случалось все чаще.

Всю жизнь Старик не вставал с постели раньше полудня. Он был сибаритом, любил в себе это качество и не собирался менять привычки. Но старость взяла свое, и Старик стал просыпаться чуть ли не с зарей. Злился ужасно и упрямо продолжал лежать до обычного часа. Хотя в какой-то мере раннее пробуждение было полезным, позволяя обдумать текущие дела, вспомнить прошедшие, исполненные и неисполненные, немного размять расслабленные за ночь члены. Особенно ногу.

Через двести лет минута в минуту в своей постели открыл глаза и Он. Тут же вспомнил о Старике и слегка улыбнулся. Он любил наблюдать за Стариком в утренние часы, пока их обоих не затянули в водоворот заботы дня.

Старику всегда клали три подушки, да еще взбивали. Старик ненавидел эту splendeur, потому что считал пышность подушек причиной болей в позвоночнике. Он скидывал их вниз, оставляя одну, самую плоскую. Бестолковые слуги поднимали подушки с пола и, взбив, снова укладывали в изголовье. Bande d'idiots!

Подражая Старику, Он тоже спал на маленькой плоской подушке. После нее боль в спине, нараставшая в течение

дня, в самом деле стихала.

Проблемы с позвоночником у них со Стариком носили хронический характер. Без них ни один уже не представлял своей жизни. Разумеется, настоящей причиной, а следовательно, истинной проблемой была увечная нога.

Когда-то Старик сам пустил байку, будто в детстве за ним не уследила разиня-кормилица, по вине которой мальчик упал с комода, вследствие чего на всю жизнь остался хромым. Эту версию уже два столетия пересказывают источники, не давая себе труда выяснить истину. Верят в безнадежную детскую травму и просто не обращают внимания на ростовой портрет родного дяди Старика. По причине вывернутой ступни тот тоже был хром. Генетическая особенность досталась и племяннику, а потом еще нескольким поколениям потомков мужского пола.

Не всем, правда. Ни де Флао, ни Делакруа наследственным заболеванием не страдали.

Ну а им со Стариком не то что ходить – даже стоять было сложно, особенно если долго.

В юности Он не раз задумывался, зачем Старiku понадобилась незамысловатая историйка про комод. Не хотел, чтобы говорили о его физической неполноценности, называя это уродством? Или пытался вытравить из памяти современников придуманную кем-то bayette, будто в ортопедическом башмаке он прячет дьяволово копыто? Недаром его называли хромым чертом. А может, так он выражал детскую обиду

на родителей, сразу после крещения вручивших его кормилице, которая на целых четыре года увезла младенца в грязное поместье на севере Парижа.

Да и после они не особо интересовались судьбой старшего сына. Чего только стоит родительское решение сразу после возвращения из Шале отослать мальчика в колледж Аркур, не дав возможности даже повидаться с ними!

Если так, то Старик был гораздо чувствительнее, чем принято думать.

Впрочем, именно хромота, лишившая юнца подвижности, приучила его к хладнокровному наблюдению и привычке скрывать свои мысли.

Многие вообще считали, что Старик не похож на француза: сдержан, высокомерен, умеет слушать, говорит мало и не очень ясно. Типичный англичанин, одним словом.

Эти черты характера предка Он перенял в полной мере.

Откинув одеяло, Он осмотрел ступню. При современном уровне медицины устранить досадную еппи легче легкого, но Он ни за что не решится расстаться с тем, что так безусловно роднит его со Стариком.

Он любил называть предка именно так. Не по имени, не по фамилии, а просто Стариком, что ни в коем случае не являлось амикошонством. Это слово было сродни «мудрецу» или «старцу», произносилось и думалось благоговейно, с оттенком трепета и одновременно осознанием родства, а значит, особой близости.

Он еще немного понаблюдал мысленно, как Старик, кряхтя, тянется к колокольчику, звонит, призывая тех, кто займется его утренним туалетом, и разминает пальцы рук, которые в последнее время стали опухать слишком заметно.

Слуги вносят тазики и кувшины с теплой водой. Они знают: первое, что хозяин делает утром, – промывает нос теплой водой. К этой процедуре его приучила прабабушка, единственный любивший мальчика человек. В усадьбе Шале он провел лучшие годы своей жизни. Наверное, ежедневное lavage напоминало о том времени, одновременно, по твердому убеждению Старика, оберегая от всяческой заразы.

Потом общее обтирание влажной губкой, пропитанной душистыми экстрактами, и одевание.

Старик неравнодушен к дорогому белью и в одежде по-прежнему щеголь. Чего стоит только – придумка верного камердинера Жозефа Куртиада – знаменитый высокий воротник с белым бантом!

Завершив туалет, Старик придирчиво осматривает себя в зеркале, проводит рукой по немилосердно поредевшим – *se la vie* – волосам и направляется в кухню.

Это путешествие он всегда делает до завтрака. Так повелось еще со времен Мари Антуана Карема, гениального кондитера и личного повара. Они всегда начинали с кухни, ведь то, что будет создано там утром, станет залогом успешного дня. «Лучший помощник дипломата – его повар», – частенько говаривал он.

К тому времени, как в кабинет войдет Доротея, Старик успеет выпить чашку горячего шоколада и начнет разбирать бумаги. Их, как обычно, много.

Да, пора вставать! Старик уже занят делами, а Он до сих пор нежится в постели!

Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

Современные «интеллектуалы» приписывают слоган Остапу Бендеру, который таким манером будил Шуру Балаганова.

Куда мы катимся!

На самом деле эту фразу каждое утро слышал еще Анри де Сен-Симон, знаменитый французский утопист. Но и он не был ее создателем. Умница Плутарх в трактате «К непосвященному властителю» упомянул про персидского царя, слуга которого будил его примерно такими словами.

Однако хватит лирики!

Старик давно углубился в работу.

Последуем за ним!

Савва Бехтерев – альтруист и филантроп

Ругая себя последними словами, Савва поднялся на седьмой этаж и остановился перед приличной – можно даже сказать, солидной – дверью в квартиру номер тридцать восемь.

Пока доставал ключ, доругивался, вспоминая все идиоматические выражения, какие знал.

Ситуация была дурацкая. Несколько дней назад позвонил Серега Кривошеев и, прерывисто дыша в трубку – слишком прерывисто, даже чересчур, – умолял спасти его от неминуемой гибели. Гибель Кривошееву грозила в случае, если через месяц он не закончит ремонт в квартире одного профессора. Именно от его руки Серега и мог пасть.

Начиналось все неплохо. Бригада – как обычно, набранная из иностранного легиона – принялась за дело и работала четко по графику, но тут возник форс-мажор в виде сломанной ноги любимой тещи, и начальнику пришлось срочно отправиться в Адлер, прихватив домочадцев.

Ну а без пригляда какая ж работа!

Разумеется, уверял Серега, самому Савве делать ничего не придется. Нужен лишь стандартный контроль. Ну, типа пару раз на неделе заехать и посмотреть. Если потребуется, применить меры устрашения. Ничего энергозатратного!

Застигнутый врасплох Бехтерев согласился, тем более что уезжать из Питера в этот период не планировал. Однако по закону бессмертной подлости буквально на следующий день его с головой накрыло делами, которые требовали постоянного присутствия на рабочем месте, и манкировать он был не вправе.

Звонить Кривошееву с просьбой найти замену было глупо – тому явно уже не до этого. Однако приступить к выполнению задания Савва собрался лишь на четвертый день после Серегиного отъезда.

Подъехать прямо к подъезду оказалось невозможно из-за преграждающей путь решетки. Найти место для парковки в старом центре, да еще в середине дня, – дело безнадежное по определению, посему пришлось вкривь и вкось приткнуться за два квартала и чесать потом до пункта назначения почти двадцать минут.

Ко всему прочему оказалось, что окаянная квартира находится на последнем этаже. Лифта, разумеется, не было и в помине.

Это окончательно вывело Савву из себя. До третьего этажа он обзывал себя лишь альтруистом и филантропом, но затем перешел на более крепкие словосочетания.

Однако самое интересное ждало его впереди.

В принципе, нечто похожее он предполагал. В самый разгар рабочего дня на объекте не наблюдалось ни одного человека. Ни единого. Кругом царила молчаливая разруха, глядя

на которую Савва заключил, что рабочие испарились ровно через пять минут после того, как начальник отбыл на юга.

Постояв среди строительного мусора, с тоской глядя на пыльные стекла окон, Савва развернулся, чтобы покинуть юдоль скорби, но не успел.

Он даже не понял ничего. Лишь услышал – не почувствовал, а именно услышал – глухой стук чего-то обо что-то.

Он сидел в танке и не отрываясь смотрел на приборы. Даже сквозь закрытые шлемом уши слышал звук работающей машины и автоматически оценивал, насколько хорошо она себя чувствует. Кривошеев, толкнув в плечо, протянул бутылку с водой. Савва поднес ее к губам и отшатнулся. Вода отвратительно воняла нашатырем.

– Тише, не дергайтесь, пожалуйста, – тонким девчачьим голоском произнес Кривошеев, и Савва от недоумения открыл глаза.

Прямо над ним был белый потолок, а сбоку колыхалось что-то бледное и странное. Скосив глаза, он увидел чью-то физиономию и удивился, что она не похожа на Серегину заросшую щетиной харю.

– Вы как? Живы вообще? – еле слышно спросил неизвестный, нагнувшись к нему.

Он всмотрелся в маленькое, совершенно серое лицо.

– Ты кто? – просипел Савва и, подняв руку, потрогал лоб. Тот отозвался болью.

Ему что-то ответили, но он расслышал лишь слово «шум» и разозлился.

– Шум? Шум у меня в голове такой, что даже если я тебя сейчас придушу, то воплей твоих не услышу, – проскрипел он и сел.

Изображение несколько секунд было нечетким, но Савва напрягся и сфокусировал взгляд.

Перед ним сидела бледная девица, сжимая в руке пузырек с нашатырным спиртом. Волосы бесцветными сосульками висят по бокам. Глаза вполлица и рот скобочкой. Видно, реветь собралась.

– Ты чего тут делаешь? – спросил Савва, прислушиваясь к звону в голове и решая, есть сотрясение или нет.

– А вы чего? – ответила девица и поставила пузырек на пол.

Савва огляделся. Как она вообще сюда попала? Входную дверь он за собой точно закрыл.

– Я не понял, ты кто? – снова попытался вступить в диалог Бехтерев.

– А вы сами-то чего тут делаете?

«Снова-здорово! Так они далеко не уедут», – подумал Савва и попытался встать. Удалось. Он доковылял до окна и прислонился к подоконнику. Классно все же его приложили. А, кстати, кто и чем?

Он уставился на бледную девицу с сомнением. Эта, что ли? С какой стати?

Девушка между тем тоже поднялась и отошла к двери.

Савва усмехнулся:

– Не бойся. Солдат ребенка не обидит. Одного не пойму: за что ты меня шандарахнула?

Находясь на безопасном, по ее мнению, расстоянии, девушка несколько оправилась от испуга.

– А вы зачем к нам зашли? Обокрасть?

Господи ты боже мой! Так она аборигенка! Ну, спросила бы! Чего сразу по башке колотить!

Савва немедленно включил «вежливого человека»:

– Я пришел сюда по просьбе моего друга Сергея Кривошеева. Проверить, как идут работы на объекте. Он был вынужден срочно уехать, оставил мне инструкции и ключи от квартиры. К сожалению, Сергей забыл предупредить, что в квартире живут. Иначе я сначала позвонил бы.

– Ааа... – протянула девушка, и ее плечи облегченно опустились.

Желая закрепить достигнутое взаимопонимание, Савва снова поинтересовался именем аборигенки.

– Яна Шум, – представилась девушка.

Так Шум – это фамилия? А он-то думал...

– Савва Ильич Бехтерев. А можно поинтересоваться, чем вы меня... стукнули?

Яна Шум бросила на него быстрый взгляд и кивнула в сторону сложенных стопкой коробок с обоями, на вершине которых возлежал массивный дубовый подсвечник.

– Объемистый, – прокомментировал Савва.

– И увесистый, – поддержала Яна.

Не зная, смеяться ему или плакать, Савва уселся на пол и затребовал у хозяйки стакан воды. Та стремглав побежала в кухню, принесла бутылку минералки и блистер с таблетками.

– Болеутоляющее выпейте, пожалуйста, – жалобно про-
блеяла она.

– Не поможет, – сказал Савва и закинул в рот три штуки.

Девушка Шум снова выдохнула и, не глядя, уселась на заляпанную краской табуретку. Савва хотел предупредить, но передумал. Маленькая, а все-таки месть.

Вместо этого, стараясь не прислушиваться к шуму в ушах, он завел светскую беседу:

– Так вы профессорская дочка?

– С чего вы взяли?

– Серега сказал, что квартира профессора.

– Так и есть, только профессором был дедушка. Он здесь родился. Папа бизнесмен вообще-то. Когда мы сюда переехали, купили соседнюю квартиру. Поэтому получилось много комнат.

– И сколько вас тут живет?

– Трое. Папа планировал, что детей у них с мамой будет много, а родилась я одна.

– Зато аукаться можно. Перекрикиваться. Как в лесу.

– Можно, но не с кем. У отца бизнес в Китае. Ему подолгу там жить приходится. Маме его не бросить. Вот и сейчас они

там. Даже не знаю, когда вернуся.

– А дочку оставили квартиру сторожить? Здорово у вас получается, честное слово.

– Да нет. Просто у меня учеба, занятия.

Она спохватилась:

– Простите меня, пожалуйста. Я испугалась ужасно, поэтому и залепила вам со всей дури.

– Ну почему же с дури? Напротив, поступили очень правильно. С одного удара отправили вора в нокаут.

Девушка вскинула глаза и криво улыбнулась:

– Это я с непривычки.

А глаза у нее серо-зеленые. Такие только в Питере встретить можно. Как будто Нева плещется.

– Да чего уж там, с непривычки! Удар поставлен. Видно сразу.

Девушка Яна Шум немного помялась, не зная, считать ли его слова комплиментом, а потом поинтересовалась, что он собирается со всем этим делать. И плавно повела рукой.

– Даже не знаю, если честно. Надо подумать.

Ответ был осторожным, но на самом деле он почти не сомневался, что разгрести весь этот бардак придется. И именно ему.

Девушке Яне Шум предстоят тяжелые денечки.

А уж про него и говорить не стоит.

Тяжелые денечки

Сегодня с самого утра Он злился на Старика. А все из-за мадам Гран! И ему, грешному, нравились очаровательные глупые блондинки.

Эта, правда, была глупа не окончательно и абсолютно. Занималась бизнесом, и даже довольно успешно. Ее булочная находилась в соседнем доме и славилась на всю округу. Когда утром в торговый зал выносили свежую выпечку и хлеб, хозяйка всегда выходила к покупателям, чтобы поприветствовать их и послушать отзывы о своем товаре. Отзывы были лестными, и хозяйка улыбалась, демонстрируя очаровательные ямочки.

Эти ямочки сводили с ума, лишали сна и бесили ужасно!

Он называл ее Булошницей – именно так, с шипящей «ш», – хотя знал, что зовут женщину Натальей Павловной Ласкиной. Звуки ее имени, такие приятные и мягкие, мгновенно приводили в состояние, близкое к возбуждению, по-сему Он старался лишней раз их не произносить.

«Булошница» – звучало уничижительно и даже грубовато, что на короткий миг позволяло испытать чувство легкого презрения, но все же не избавляло от душевного трепета и дрожания потных рук.

Разумеется, все это из-за наследственной слабости. Угрозило же Старика жениться на Катрин! Ведь знал же, что

она круглая дура! Когда хлопотал о ее освобождении из тюрьмы, куда во времена Директории она была помещена за связь с эмигрантами, говорил Баррасу:

– Примите во внимание, что она глупа до самой крайней степени вероятия и не в состоянии ничего понимать!

И после этого все равно жениться? Непостижимо!

Конечно, нельзя отрицать, что неприглядную роль в этой истории сыграл Наполеон. Он практически надавил на своего министра после того, как увидел госпожу Гран воочию.

Старик не посмел послушаться? Бред! Он всегда делал лишь то, что считал для себя полезным!

Что тогда? Вожделение? Но Катрин и так была его любовницей! Решил, что лучше не ссориться с Бонапартом? Возможно, только сам сводник вскоре всюду стал рассказывать про Катрин анекдоты, наподобие того, как однажды она перепутала известного египтолога и путешественника Доминика Денона с Робинзоном Крузо.

Разумеется, с Булошницей подобной оказии – так ему казалось – произойти не могло. Ведь она так ловко вела бизнес! С другой стороны, Катрин тоже обладала недюжинной хваткой, когда речь шла о денежных делах: удачно спекулировала на ценных бумагах, неплохо заработала на контрабандных связях с Россией.

Может, Катрин была вовсе не глупа, просто не получила достойного образования?

Как бы там ни было, Гран принесла в жизнь Старика одни

неприятности.

А ведь он всегда говорил, что надо следовать золотому мужскому правилу: никогда не превращаться в игрушку в руках женщин, использовать их для достижения своих целей, но не более.

Валяйтесь у них в ногах, но никогда не будьте в их руках.

И поди ж ты! Дал себя окрутить дочери капитана торгового порта Ворле!

Этого Он простить Старику не мог. Поэтому никаких шагов для сближения с Булошницей не предпринимал, довольствуясь теми женщинами, к которым был равнодушен, и по этой причине неприятностей от них можно было не опасаться.

Однажды Старик сказал, что чрезмерная любовь мешает. Это действительно так.

Вот почему вечер Он провел с Лизой, приходившей к нему пару раз в неделю. Девушка была умна, в меру красива и лет на пять-шесть моложе Булошницы. Но главное ее достоинство заключалось в том, что она не вызывала острого до боли душевного трепета, потому не мешала думать о главном.

А главное, особенно в последнее время, занимало мысли все больше. Оно торопило, подстегивало, звало.

Все было готово. Ну или почти все. Надо еще разок перепроверить, и можно приступать.

В этот острый момент Он запретил себе заходить в булоч-

ную. По дороге домой, поравнявшись с крыльцом магазинчика, опускал глаза и задерживал дыхание.

Чертов запах свежей выпечки! Ее запах! Ну невозможно же!

Сегодня Он настолько увлекся своим невидением, неслышанием и ненюханием, что налетел на мужика, тащившего в обеих руках по коробке с чем-то тяжелым. Груз не дал бедолаге упасть, хотя толчок был ощутимым. Мужик промычал что-то невразумительное, но вслух ругаться не стал и попер свои коробки дальше.

Ну и черт с ним!

Савва и в самом деле чуть не слетел с тротуара – не ожидал подвоха от мирно и даже не очень быстро идущего навстречу прилично одетого мужчины. То, что тот задумался слишком крепко, понял только по силе удара.

Савва крикнул и перехватил свою ношу. А задумчивый как ни в чем не бывало пошел дальше, вперив очи в асфальт. Еще и нос зачем-то зажал.

Каких только неадекватов не встретишь на улицах!

Шефская, дружеская или какая угодно помощь Кривошеву продолжалась уже две недели, а конца и края было не видеть. Одно время Савве даже казалось, что он переоценил свои возможности, но отступить было поздно. Во-первых, он уже взялся, а во-вторых, не зря же выбил у управляющего отпуск, что для начальника службы безопасности круп-

ного банка было не так просто. Теперь деваться некуда, надо дожимать. Хотя тема неуместного альтруизма и неоправданной филантропии время от времени возникала. Особенно когда приходилось одному выполнять работу, на которую следовало навалиться вдвоем, а то и втроем. Савва ругался, кричал, но делал. Конечно, он попытался вернуть в стойло нанятую Кривошеевым бригаду, но сие оказалось делом бесперспективным. Таджикские хлопцы повыключали свои телефоны и – подозревал Бехтерев – исправно батрачили на другого дядю. Он даже ничего не стал говорить Сереге. Решил, что закончит ремонт сам.

Сто раз уже пожалел о своем глупом энтузиазме, но что поделаешь.

Не звать же на помощь чуть не убившую его малахольную Яну Шум!

Эта девица и без того действовала на нервы.

Нет, она не лезла ему на глаза и не маячила за спиной. Тихо существовала где-то за двумя или тремя стенками квартиры. Они даже не столкнулись больше ни разу. Черт знает почему, но Савву это злило. Хоть бы воды предложила или чаю там! Он все-таки на нее работает. Должна же хозяйка проявлять заботу о работнике! А эта бродит где-то как привидение и ни слова доброго, ни вопроса заинтересованного. В конце концов, могла бы зайти и проверить, как он тут справляется.

Не зашла. Не проверила.

Зато постоянно включала музыку. Классическую. Причем как-то странно: то заиграет громко, то вдруг оборвется на середине. В классике Савва не разбирался, но, в принципе, был не против. К тому же за стеной звучало что-то очень знакомое, где-то уже слышанное. Савва начинал слушать и даже проникался, но тут противная девица Шум вырубала пластинку. Это нервировало и сбивало с рабочего ритма.

Что у этой Яны за глюки в голове? Зачем заводить патефон, если слушать не собираешься?

Видно, Шум он и в Африке шум. Что с него взять!

Иной раз он не слышал девицу по нескольку дней. Прислушивался, но не улавливал ни малейшего шебуршания.

Что ж ты, Шум, не шумишь?

А потом вдруг снова начинала играть музыка, и он успокаивался. На месте. Живехонькая. Ну и ладненько.

Савва наваливался на работу и забывал обо всем.

Так в поту и в мыле он постепенно двигался к окончанию проклятушего ремонта, в который никогда бы не ввязался, если бы речь не шла о Кривошееве.

В конце концов, не так уж он и мучился.

Сергею куда тяжелей было, когда вытаскивал его из подорвавшегося на mine – немецкой, еще с Отечественной войны – танка.

Никто из начальников танкового училища, конечно, не предполагал, что поля под Брянском до сих пор кишат вражескими «подарочками». Учения прошли на ура, а под ко-

нец – бах! – и сюрприз.

Вот оператор-наводчик курсант Кривошеев и тащил своего командира, полудохлого и в бессознании. Мешок с фаршем. Сам, конечно, тоже получил так, что мама не горюй.

А потом их обоих комиссовали как профнепригодных.

Такие вот дела.

Шум за стеной

Савва так привык к беззвучному существованию хозяйки, что, услышав за стеной сначала громкий чих, а потом довольно серьезный по степени развития в организме кашель, даже несколько удивился. Прислушавшись, он различил также сморкание в платок и бульканье, из чего заключил, что начало ОРВИ или, чего доброго, острого вирусного бронхита пропустил. А если бронхит к тому же обструктивный?

Савва задумался. Где эта Шум могла подцепить вирус? Хотя чего удивляться: в Питере жить, с вирусами дружить.

Первым побуждением было зайти на хозяйскую половину и предложить помощь. Все-таки в анамнезе у него имелся медицинский колледж. Однако по здравому размышлению Савва отмел эту идею как чрезмерную. Не маленькая, сама справится. Как говорил кто-то из великих, никогда не следуйте первому побуждению, потому что оно, обыкновенно, слишком благородное. Примерно так.

Еще целых сорок пять минут он продолжал приклеивать потолочные плинтуса и почти закончил, как вдруг услышал в глубине квартиры что-то, похожее на плач.

Для его человеколюбия это было уже чересчур. Савва слез со стремянки, вытер руки и решительно открыл дверь в хозяйские чертоги.

Никого не обнаружив в гостиной, он прошагал дальше, распахнул еще одну дверь и наткнулся на рояль, одиноко стоявший посреди почти пустой комнаты.

Так эта Шум не патефон заводила, а сама на роялях играла? Ну, ты даешь, Бехтерев! Недаром мама говорила, что в детстве тебе медведь на ухо наступил.

Усмехнувшись, он двинулся дальше и наконец в угловой комнатке обнаружил источник неприятных звуков: плачущую Яну Шум.

Остановившись напротив кровати, Савва задумчиво рассматривал рыдающую девушку. Зарывшись лицом в подушку, она еще с минуту не замечала его присутствия, а потом подняла мокрое лицо и вскрикнула:

– Мамочка! Вы кто?

Савва поразился. Она его не узнала? Ничеси! Неадекватность седьмой степени.

– Я – тот самый субъект, которого вы чуть не убили подсвечником, – представился он и с достоинством поклонился.

– Ааа... – протянула Яна и зарылась поглубже в постель.

Савва незаметно хмыкнул. Конечно, так гораздо лучше. А то мало ли что.

– Я услышал кашель и подумал, что вам, возможно, нужна помощь. Лекарства купить, молочко вскипятить, малину там...

– Да какое лекарство! У меня бабушка умерла, и я не знаю, что делать.

К такому развороту Савва готов не был, но сориентировался довольно быстро.

– Когда это случилось?

– Только что сообщили. Минут пять назад.

– Кто из родственников в городе?

– Кроме меня, никого. Мама с папой далеко.

– Да, я помню. Они же в Китае. Кто сообщил о смерти?

– Из полиции звонили.

– Почему из полиции?

– Не знаю.

Девушка отвечала четко, но яснее картина не стала. Савва помедлил, размышляя над вариантами развития событий.

– Мне нужно ехать к ней, – дрожащим голосом произнесла Яна.

– Так она дома скончалась?

– Они сказали, что да.

Они – это, скорее всего, участковый. Наверняка пришлось вскрывать дверь, вот его и вызвали. Кто, соседи? А эти как узнали?

– Выйдите, пожалуйста, мне одеться надо.

Савва взглянул на красное то ли от слез, то ли от температуры лицо Яны.

– У вас жар.

– Да, температура высокая. Но что делать. Других вариантов нет.

– Подождите. Давайте я съезжу и все узнаю.

– Вас не пустят. Вы же не родственник.

– Ну, тогда поедем вместе, что ли. Одной вам трудно будет.

– Ничего, как-нибудь справлюсь. Спасибо.

Савва разозлился. Думает, что он навязывается?

– Послушайте, девушка, мне наплевать на вашу бабушку, – сурово заявил он, – но, как гуманист, я не могу допустить, чтобы и вы преставились вслед за ней. Бронхит – это еще ничего, но двусторонняя пневмония может привести к летальному исходу. Вы в курсе?

Яна Шум смотрела на него во все глаза – красные и воспаленные, надо сказать. Может, у нее просто аллергия?

– Даже не знаю. То есть... я хотела сказать, что мы с вами практически не знакомы.

– Это ничего не значит. В конце концов, мы уже две недели живем под одной крышей.

Яна Шум немного помолчала.

– Хорошо. Я буду готова через десять минут.

Собиралась она гораздо дольше. За это время Савва успел вымыться, переодеться и даже переговорить с Кривошеевым, который позвонил узнать, как дела.

– Работа кипит. Потерь в личном составе не наблюдается. В график укладываемся, – бодро доложил Савва.

– Лады, Савватий, за мной не заржавеет, – успокоился Кривошеев.

– Сочтемся, Серега.

Наконец в коридоре показалась девица Шум. Вид у нее был настолько жалкий, что даже суровое сердце Бехтерева слегка дрогнуло.

– Я готова.

– А в какую нам сторону?

– Сначала в метро – и на Ваську, там пересядем на маршрутку – и еще примерно сорок минут.

– А на автомобиле не проще?

– Вы такси имеете в виду? Конечно. Меня просто пере-клинило.

– Да нет. У меня машина во дворе. Я этот транспорт имею в виду.

Яна открыла дверь и выскользнула на лестничную площадку.

– Согласна. И спасибо.

– Да не за что покамест.

Вид бехтеревской машины произвел на девицу Шум впечатление. У нее даже рот приоткрылся. Наверное, не предполагала, что штукатуры-маляры ездят на Bugatti.

Ну что поделаешь, у всех свои слабости.

– Пристегнитесь, – сказал он, когда Яна с опаской уселась на сиденье рядом с ним.

– Только не очень быстро, я боюсь, – просипела она.

– Постараюсь, – ответил он и осторожно тронулся с места.

В самом деле, девице и так не сладко. Не будем усугублять.

Бабушка Наташа

До дома Яниной бабушки они доехали за полчаса. Не так уж далеко, оказывается. Он относился к категории тех, что в народе называли «сталинками». Высокие потолки, большие окна. Вдоль фасада – пять колонн, между ними на постаментах – пионерки. Одна с глобусом в руке, другая – с ружьем за спиной, а третья, та, что в серединке, отдает салют. Все честь по чести.

– Прабабушка в обкоме комсомола работала. Им всем тут квартиры дали. Дом так и называли – комсомольский, – пояснила Яна, видя, с каким интересом он рассматривает чудо архитектуры.

– А почему тогда пионерки? Комсомолки же быть должны?

Яна пожала плечами и двинулась к крайнему парадному. Ни на улице, ни в подъезде они никого не встретили, но когда поднялись на третий этаж, сразу увидели открытую настежь дверь.

Яна, не раздумывая, рванула вперед, и Савве ничего не оставалось, как последовать за ней. Не замешкайся он на мгновение в коридоре, успел бы подхватить ее, а так упала как подкошенная.

Какая-то женщина – позже выяснилось, криминалист – кинулась к девушке первой.

Савва остановился перед двумя замершими от неожиданности мужиками и тут же увидел лежащую у стола старуху. Он взглянул и с трудом проглотил воздух, застрявший в горле.

Голова бабушки была проломлена. Даже с двух метров видно, что в нескольких местах.

«Это кто ж такое сотворил», – успел подумать Бехтерев, но тут мужики очнулись и поперли на него сразу вдвоем.

– Кто такой? Чего тут делаешь? Что забыл? – заговорили они хором.

Савва открыл рот, чтобы представиться по всей форме, но тут в комнату вошел высокий парень и объявил, что это он вызвал родственников.

– Я как участковый обязан был.

– Так ты родственник? – подозрительно спросил Бехтерева седоватый мужик в кожаной куртке.

– Я нет, а вот она – внучка... убитой.

Женщина, что пришла Яне на помощь, поднялась и вышла из комнаты.

– Через пару минут очнется, – бросила она на ходу.

Не дожидаясь, когда его спросят, Савва полез в карман и протянул седоватому документы. Тот просмотрел.

– Значица, так, – произнес он непререкаемым тоном, и Савва едва не хохотнул.

Тоже мне, капитан Жеглов нашелся!

Закончить местный Глеб Георгиевич не успел. Яна Шум

очнулась и села, выправившись. Догадливый участковый бросился к ней и, подняв с пола, увел прочь.

– Подождите в коридоре, – бросил Бехтереву полицейский помоложе и склонился над столом.

Савва вышел на лестничную клетку и закурил.

Что за дела творятся в датском королевстве? Кому понадобилось зверски убивать бабушку Шум? И, главное, за что?

Из-за приоткрытой двери он слышал голоса, доносившиеся из кухни, но слов разобрать не мог.

Через минуту на площадку вышел участковый и протянул руку:

– Лейтенант Башковитов. Даниил.

– Бехтерев. Савва. Спасибо за помощь, лейтенант.

– Да не за что. Сам чуть в обморок не хлопнулся, когда увидел.

– Ты тело обнаружил?

– Ага. Причем случайно вышло. Тут на верхнем этаже женщина с маленьким ребенком живет. Позвонила: мол, по крыше кто-то ходит и люк на чердак открыт. Боюсь, говорит. Я и пошел проверить. Когда поднимался, заметил открытую дверь. Эту Шум я знаю. Ей в обед сто лет. Ну, думаю, начался маразм старческий, дверь уже забывает закрывать. Постучал, позвонил. Молчание. Я и зашел... Сразу сообщил, куда надо, а потом решил, что следует родных вызвать.

– Ты и родных знал?

– Только не подумай, что я из тех, кто землю носом ро-

ет. Просто мы с Янкой в одной школе учились. Я, понятно, на три года старше, но, в принципе, были накоротке. Взял у Светки Писаревой ее телефон и...

– А что из дома вынесли, еще не выяснили?

– Выясняют. Может, пенсию недавно получила, а может, чего подороже. Из очевидного – сумка на диване валялась, а кошелек не было. И шкатулка. Ее тоже выпотрошили и на пол кинули. А уж что там было... Но, видно, ценное, раз бабка сопротивлялась.

– А она сопротивлялась?

– Да не знаю. Просто подумал: почему ее по голове колотить стали? Сопротивлялась, значит. Не пускала. Ну и...

Участковый посмотрел на Бехтерева с сомнением, но все же сказал:

– Там еще тайник вскрыли.

– Какой тайник? – насторожился Савва.

– За шкафом. Я сразу куски цемента у стены увидел.

Он воззрился на участкового:

– Что ж ты сразу не сказал? Тогда понятно, почему ее...

Башковитов молча почесал затылок, но было видно, что ему как раз понятно далеко не все.

– Соседей опрашивали? Неужели не слышали ничего?

– Я и опрашивал. Не слышали и не видели. Видишь ли, квартира угловая. Та стена выходит в спальню, а за ней – улица. Потом преступник же не кирпич долбал, цемент просто. Ударил пару раз, он и отвалился. Грохоту не так много

было. Не пойму только, зачем тайник замуровали?

– Наверное, пустой был.

– Наверное, только убийца думал, что полный. Причем так... конкретно. Иначе для чего все? Еще и кувалду припер.

– Кувалду?

– Ну... Ясно же. Стену раздолбать – кувалда нужна или что-то в этом роде. Да так и было. Разлом широкий, куски цемента крупные.

– А старуху? Тоже кувалдой?

– Ты че? Если кувалдой долбануть по человеческой голове, от нее мокрого места не останется! Я труп хорошо рассмотрел, пока полиция ехала. Ее били чем-то не очень тяжелым.

– Ничего себе, не очень! Голову проломил!

– Говорю тебе: что-то небольшое, – заупрямился лейтенант. – Ну, вроде молотка простого. Проломы такие... очевидные.

Савва посмотрел на парня с интересом:

– Башковитый ты парень, Башковитов.

– Все так говорят, – ухмыльнулся участковый.

– Слушай, нас наверняка погонят отсюда. Ты не против, если я попрошу держать меня в курсе?

– Да не против, наверное. Только ведь участковым не все говорят. Мы ж не на оперативной работе. Просто землю топчем.

– Понимаю, но ведь не зря тебя башковитым считают.

– Это да. Ладно, давай телефон. По старой дружбе – с Янкой, имею в виду – скажу, если что интересное узнаю. Вижу, ты мужик сочувствующий. Янке такой и нужен.

Савве вдруг стало любопытно.

– С чего ты решил, что ей нужен именно такой?

– Так сразу же видно, что не пустобрех, – ничуть не смутившись, пояснил Башковитов. – Янка всегда немного наивной была. Как все музыкантши. Хотя, с другой стороны, девка она непростая.

В коридоре слышались шаги, и из квартиры вышла Яна. Ее глаза потемнели и казались двумя бездонными провалами. На щеках горели яркие пятна.

Ого! Да у нее температура за сорок!

– Сказали, чтобы домой шла и ждала результатов расследования, – слабым голосом произнесла она.

Башковитов участливо тронул ее за плечо:

– Так, конечно, Ян. Чего тебе тут делать? Разберутся и сообщат.

Савва потушил сигарету и взял Яну за руку:

– Пошли.

И она покорно пошла.

Как странно сложились сегодня отношения со Стариком. Утром Он был доволен и собой, и им. Старик даже насмешил его воспоминанием, как накануне Дня взятия Бастилии – именно Старик предложил отмечать праздник Федера-

ции ежегодно – Мирабо, за разного рода темные истории сидевший во всех тюрьмах, а там посещение церковной службы было единственным развлечением, учил его правильному алгоритму мессы. Комичность ситуации заключалась в том, что не знающий ни одного канона Старик носил сан епископа. На репетиции он был в полном облачении. Любимая собачка не узнала хозяина и стала кидаться, норовя укусить за ногу.

Это было так смешно, что Он хохотал до слез.

А после пафосной церемонии на Марсовом поле в Париже епископ отправился в игорный дом и за один вечер дважды сорвал банк. Старик уверял, что именно солидный куш стал самым ярким впечатлением дня!

Утренняя болтовня со Стариком дала дополнительный заряд бодрости и уверенности в том, что все пройдет гладко.

Но на этот раз интуиция подвела. Подло! Мерзко! Глупо подвела!

В доме старухи не оказалось того, что Он искал. Разочарование было так велико, что Он покинул квартиру, забыв запереть дверь. Перешагнул через старуху, лежащую на полу, и выбежал из дома в полном смятении чувств.

Он ошибся. Разве такое возможно?

Уже дома, растирая больную ногу, подумал, что Старику тоже случалось ошибаться. Именно по его наущению якобы за организацию заговора Первый консул приказал расстрелять герцога Энгиенского. Тогда Старику было важно

доказать свою исключительную преданность патрону, а заодно помочь тому навсегда избавиться от Бурбонов. Когда же правда о невинности герцога вылезла наружу, Старик, притворно вздохнув, сказал лишь, что это было больше, чем преступление, – это была ошибка.

И все! Никаких греческих трагедий! Изящная фраза – и с делом покончено!

Потом, правда, эта ошибка аукнулась охлаждением к нему Наполеона, но на тот момент Старика заботило совершенно иное. Ему было важно не подружиться, а раздружиться с императором. Отодвинуться как можно дальше, чтобы встать на сторону его врагов.

Что же получается? В итоге Старик все обратил в свою пользу.

Так стоит ли предаваться отчаянию по поводу сегодняшней неудачи? Ведь один положительный результат все же получен. Он точно знает, что в доме старухи этого нет. Остается выяснить, где же оно есть.

Он будет двигаться дальше. Триумф лишь отодвигается. Только и всего.

Конец ремонта

Девушка Шум все же слегла окончательно. Да и немудрено после такого. В больницу ехать отказалась наотрез, но слушать ее Бехтерев не стал. Мало ли что, а ему потом отвечать!

Отправив девушку в госпиталь, Савва вернулся к ремонту. Это его успокаивало и давало возможность подумать. Циклевка паркета вообще крайне полезное в плане размышлений занятие. Руки заняты, а мозги свободны.

В редкие минуты отдыха он не забывал интересоваться ходом расследования. Разумеется, никто не собирался посвящать его в тайны следствия, но даже те крохи, что падали со стола, давали пищу для ума. Например, выяснилось, что на тот момент, когда убийца стал бить бабушку по голове, она уже была мертва – сперва он ее придушил – и, следовательно, никакого сопротивления оказать не могла. Ошибался участковый.

Честно говоря, даже без информации, которую по своему природному простодушию выдавал Башковитов, многое было очевидно. В доме бабушки Шум искали не деньги и не сережки с колечками. То, зачем приходил преступник, было гораздо важнее, чем прикопленная бабусей пенсия и побрякушки.

Преступление готовилось не день и не два. Отсюда кувалда. Это первое. Второе – преступник был в квартире не впер-

вые. Отсюда точное знание, где находится тайник. Ну а третье – Савва был почти уверен – убийца ушел с пустыми руками.

Почему? Другой причины для того, чтобы в бешенстве колотить по черепу мертвой старухи, придумать сложно.

Рассказывая о заключении патологоанатома, Башковитов был возмущен бесчинством убийцы и искренне недоумевал, зачем так издеваться над бабушкой. Ну ладно задушил! А с чего башку-то раздолбал? Сумасшедший, что ли?

Да с того и раздолбал, что вымещал свое глубокое разочарование. Кошелек и шкатулка – для отвода глаз. Так сказать, наглядное пособие для ментов. Нет, тут другое совсем. Убийца искал что-то очень ценное, ради чего можно убить не одну старушку. И не только старушку.

Но ведь тайник был замурован! Одно это должно сказать преступнику, что там ничего не хранят. Или наоборот? Хранят такое, что следовало прятать под цементом. Что же? Какие такие сокровища?

Однако самым противным было то, что все произошедшее как-то связано с замечательной семейкой Шум.

Отсюда следовало несколько неприятных выводов и не менее неприятных вопросов. Куда преступник придет в следующий раз и кто из милой семейки окажется у него на пути?

Конечно, данных имелось маловато, поэтому выводы были скорее интуитивными, но оттого еще более пугающими. И что со всем этим делать, Савва не знал.

Надо бы навестить девицу Шум и порасспрашивать хорошенько. Вот только как она воспримет его интерес? Довольно подозрительно, когда совершенно посторонний человек начинает лезть в душу и выпытывать интимные подробности жизни твоих родных. К тому же Яне сейчас вообще не до разговоров. У нее серьезные проблемы со здоровьем, да такие, что когда он сунулся с апельсинами и яблочным соком, его в палату не пустили. Сказали, что она подключена к аппарату искусственной вентиляции легких.

Это печально.

А между тем ремонт подходил к завершению. В конце рабочего дня Савва обходил вверенную ему территорию, выявляя недочеты и недоработки. С каждым разом их становилось все меньше, и это не могло не радовать. Кривошеев в последнем эсэмэс сообщил, что выдвигается обратно, и просил сделать справедливый расчет заработной платы. Не полагаясь на совесть бригадира, Серега расплачивался с каждым работником сам. По объему и качеству сделанного, так сказать. Бехтерев предполагал: как раз по этой причине бригадир увел всю компанию на другой объект. Кому понравится, когда у тебя отнимают законное право на добычу?

Кроме того, догадывался Савва, неумолимо приближался час появления в доме родителей Яны. Когда точно они собираются приехать, он не знал, но прямо-таки горел желанием завершить работу до этого знаменательного события.

Не хватало только объясняться с ними по поводу всего,

что случилось!

Савва как раз выволок последние мешки с мусором на лестничную площадку и одевался.

– Эй, ребята, я приехал! – неожиданно послышался трубный глас Кривошеева.

Ввалившись в квартиру, тот увидел его и радостно выпучил глаза:

– Савелий! И ты здесь!

Облапив друга, Серега долго мял ему бока.

– А где все? Я ведь написал Руслану, чтобы собрал бригаду к моему возвращению. Не дождались, что ли?

– Не дождались, – подтвердил Савва, весело глядя на приятеля и оценивая степень его загорелости и румяности.

– Вот чурки с глазами! Деньги, что ли, не нужны?

– Отчего же! Еще как нужны!

– А ремонт-то закончили? Руслан ни фиги не писал и телефон отключил. Я решил, что деньги экономит, но пару дней назад как-то заволновался.

Всего пару дней? Да у Сереги не нервы, а стальные канаты!

Сняв куртку, Кривошеев рванул осматривать результаты ремонта. Задирал голову, водил носом, садился, ложился и в конце заявил, что ремонт так себе – на троечку.

Савва мгновенно рассвирепел.

На троечку! Ну уж это ни в какие рамки!

– Кривошеев, сволочь, ты совсем на югах охренел? Да

отличный ремонт! Можно сказать, первоклассный! Какого, мать твою, ты тут выеживаешься!

Кривошеев опешил:

– Да чего ты, Савватий! Это ж я, чтобы цену не заломили больше той, на которую договаривались!

– Об этом можешь не волноваться! Не заломят!

– Да ты-то откуда знаешь?

– От верблюда!

Кривошеев внимательно посмотрел на возмущенную физиономию Бехтерева:

– Не понял. Объясни.

Через двадцать минут они сидели на табуретках, разложив на затянутом пленкой диване нехитрую закуску и разлив водку в картонные стаканчики.

Потом обнялись и затагнули «Почему так в России березы шумят». Через пару часов по мере нарастания душевности дошли до «На поле танки грохотали». Серега выудил откуда-то – где только взял? – шлемофон и армейскую аптечку.

Шлем надел Кривошеев. Аптечка досталась Бехтереву. Получилось атмосферно.

Хорошо, что в этот день хозяева не заявили, иначе были бы неприятно удивлены, застав в квартире двух пьяных в хлам бывших танкистов.

Письмо

Первое, что увидела Яна, проснувшись утром после отключения от системы вентиляции легких, была гора апельсинов на тумбочке прямо перед глазами. Она аж зажмурилась, таким ярким был их цвет.

– Яночка, как ты?

Она скосила глаза и увидела скорбное лицо мамы.

– Я что, умирала? – просипела Яна.

– Ну конечно, нет!

– А чего у тебя вид такой?

– Мы просто очень испугались! – заторопилась мама, поправляя больничное одеяло.

Яна поворачивала глазами. Больно.

– Мам, спасибо за апельсины, но можно их убрать? Они меня слепят.

– Это не мы, а друг твой принес.

– Какой еще друг? Сашка Симонов?

– Нет, незнакомый какой-то, но представился другом. Фамилия такая... известная... Ах да! Бехтерев. Ты с ним знакома?

Знакома ли она с Бехтеревым? Да он ей даже в забытии являлся!

– Мам, Бехтерев был со мной, когда бабушка Наташа...

– Да откуда он взялся? – удивленно, но без тревоги спро-

сила мама.

– Ремонт у нас делал.

– Так он из бригады? Штукатур-маляр?

Яне почему-то стало обидно за Бехтерева. Она уже собралась сказать, что на самом деле никакой он не маляр, но вдруг вспомнила, что понятия не имеет, где тот работает.

А если в самом деле маляр?

– Так он ко мне приходил?

– Пока ты была подключена к ИВЛ, его не пускали. Ты что, хочешь с ним увидеться?

В мамином голосе наконец-то прозвучала тревога.

– Не знаю. Не сейчас.

Не хочется, чтобы он увидел ее такой: нечесаной, немойтой и помятой.

– Ну и отлично. Передам сестрам на посту, – с видимым облегчением сказала мама.

Яна испугалась:

– Не надо, мам! Это неудобно! Человек помогал, поддерживал, а я...

– Ну, должен же он понимать, что посторонним приходить не всегда удобно.

Так в этом все и дело. Бехтерев, кажется, не совсем посторонний. Или это только кажется?

– Мам, а что говорят в полиции? Нашли преступника? – перевела она разговор.

– Пока нет, но ищут. Давай обсудим это дома. Сейчас тебе

вредно волноваться.

– Волноваться вообще вредно, а я все равно видела, так что...

– Это другое дело, Яна! И не заставляй меня! Вот выздоревешь, тогда...

Мама держалась уверенно, но Яна почувствовала: обсуждать убийство она не хочет по другой причине. Преступника не нашли и не найдут. Вот в чем все дело.

И чего тогда об этом говорить?

– Ладно, мам. Я что-то устала.

– Конечно, конечно, – засуетилась та. – Я приду вечером, принесу супчику.

– Только не говори сестрам насчет Бехтерева. Лучше я сама ему позвоню.

– Хорошо. Как хочешь.

Мама помедлила у двери, видно, сомневаясь, но все же не удержалась:

– Надеюсь, ты не собираешься преподнести нам сюрприз?

Яна хмыкнула. Любимое мамино выражение. Не выучила уроки? Надеюсь, ты не собираешься преподнести нам сюрприз? В этой юбке ты выглядишь вызывающе. Надеюсь, не собираешься преподнести нам сюрприз?

Интересно, до какого возраста с ней будут общаться подобным образом? Ты беременна? Надеюсь, ты не собираешься преподнести нам сюрприз? Вот прикол!

– До вечера, мам. Я спать хочу.

Мама вышла из палаты, но показалось, что ее тревога и неудовольствие остались.

– Кыш! – сказала Яна маминому неудовольствию.

Вечером она позвонит Бехтереву и скажет спасибо за апельсины.

Однако он позвонил ей раньше. Его голос так на нее подействовал, что она даже задыхаться стала. Еле справилась с собой и светским тоном поблагодарила за заботу.

Савва стал расспрашивать о здоровье, о перспективах выписки и тоже был очень вежлив, чем в конце концов ее расстроил.

Кажется, для него звонок – всего лишь формальность. А вот она почему-то до сих пор ощущает его руку, когда он вел ее к машине от бабушкиного дома. Твердая такая рука, надежная. Как только посадил в машину, отпустил, и почему-то этой руки сразу стало не хватать.

А если к тому же вспомнить, что он уже дважды ей приснился, то совсем нехорошо получается. Правда, в полубреду, когда дышать было ужасно трудно и температура зашкаливала. Но все равно. Сашка Симонов, закадычный приятель, почему-то не снился, а почти незнакомый мужик, который всего раз за руку подержал, – пожалуйста.

Кажется, она все-таки собирается преподнести родителям сюрприз.

А может, пока не поздно, постараться выкинуть этого Бехтерева из головы? Или уже поздно?

Размышляя над сложной дилеммой, Яна пропустила звонок папы. Спихватилась, когда он перезвонил.

– Ты спала, наверное, прости. Сон для выздоравливающих полезен.

– Я знаю, пап. Есть новости про бабушку?

– Ровным счетом никаких. И меня почему-то это совсем не удивляет.

– Но что-то же они говорят?

– Что-то говорят, конечно, но не то, что мы хотели бы услышать.

Папа помолчал, видимо, решая, стоит ли об этом сообщать.

– Завтра мы с мамой собираемся съездить к бабушке и разобрать там все. Квартира уже не опечатана, поэтому, я думаю, можно. Кое-что из вещей надо забрать. Фотографии, документы. Может, ты хотела бы что-то оставить себе? На память.

– Не знаю. Не думала об этом.

– Хорошо, тогда не буду тебя беспокоить. Выздоровлявай.

Выздоровливала Яна еще четыре дня. И все это время думала то о бабушке, то о Бехтереве. Иной раз мысли продолжались во сне, причудливо соединяя людей, которые никогда не видели друг друга.

Один сон был до того странен, что, проснувшись, Яна долго не могла прийти в себя. Ей приснилась бабушка Наташа, которую Бехтерев вел по улице. Бабушка – совсем как она

недавно — держалась за его руку и шагала уверенно, будто не сомневалась, что ведут ее туда, куда нужно. Яна видела обоих со спины и, торопясь следом, никак не могла догнать. В жизни бабушка ходила медленно, тяжело, а тут шла легко, даже весело, как будто избавилась от того, что тянуло к земле, лишало свободы. Яна окликнула ее, но вместо бабушки оглянулся Бехтерев, и не успела она моргнуть, как он оказался рядом. Теперь они оба смотрели на уходящую вдаль бабушку. А та все шла и шла...

Потом Яна долго гадала, о чем говорил сон, и страшилась собственных мыслей. Почему умершая и живой шли рядом? Что это может означать? Скорей всего, ничего хорошего. Или наоборот? Ведь плохие сны часто предвещают хорошие события.

Как понять?

Пугающая реалистичность сна мучила Яну целый день, а вечером позвонил Бехтерев и говорил с ней таким теплым голосом, что под стук собственного сердца она выбросила из головы все трагические версии сна и оставила одну, самую приятную: несмотря ни на что, бабушка Наташа уйдет в мир иной с легкой душой. С чего она взяла, что подобное возможно, было неясно ей самой, но непостижимым образом эта идея закрепилась в сознании и уходить не собиралась.

Между тем бабушку все никак не удавалось забрать. Интересно, зачем полиции труп? Ждут, когда он расскажет, кто убийца?

Наконец отец, разозлившись по-настоящему, кому-то позвонил, и им наконец выдали тело.

Со дня смерти прошло больше недели, поэтому пришлось напрячься, чтобы успеть похоронить бабушку на девятый день.

Накануне Яну выписали, – врач сопротивлялся до последнего, но все же учел ситуацию в семье, – и она сама позвонила Бехтереву. Сказала, что чувствует себя хорошо, благодарила за помощь. Он отвечал вежливо и – ей показалось – отстраненно.

Почему-то про бабушку она не сказала и на похороны не позвала.

А он не спросил и не пришел.

Народу на отпевании было немного, ведь почти все бабушкины знакомые умерли. Таких долгожителей, как она, вообще поискать. Шутка ли, дожить до восьмидесяти девяти! В следующем году отмечали бы девяностолетний юбилей. Еще девять дней назад никто не сомневался, что так и случится.

Не случилось.

Стоя у гроба, Яна поискала глазами Бехтерева. Это было глупо, но она огорчилась и даже обиделась.

Значит, ему все равно.

А на следующий после похорон день Яна неожиданно объявила, что хочет сходить к бабушке домой. Родители стали отговаривать, считая, что ничего ценного она в квартире уже

не найдет. Фотографии и документы они забрали, вещи раздали.

– Ты же не собиралась? Зачем лишний раз нервы трепать?

Наверное, они были правы, однако Яна настояла на своем. Ей хотелось забрать на память то, что важно именно для нее. Буквально несколько вещиц, с которыми она любила играть в детстве, когда подолгу гостила у бабушки.

И больше в этом доме не появляться.

Конечно, идея была не из лучших. Как только вошла в квартиру, у нее так задрожали ноги, что пришлось приткнуться на табуретку в коридоре и долго сидеть, пока не отпустило.

Она нашла то, что хотела, и уже собиралась уходить, как вдруг наткнулась на конверт. Вернее, не наткнулась, а нашла в застегнутом на молнию отделении старой сумки, которую бабушка использовала для хранения всякой всячины. В детстве Яна прятала там свои «драгоценности» – колечко с красным камушком, заколку с фигуркой феи и брошечку в виде майского жука.

Еще в отделении была фотография, на которую Яна посмотрела мельком, потому что взгляд уткнулся в надпись на конверте.

«Прочтите!» – вот что там значилось.

Повинуясь призыву, Яна вскрыла письмо, нашла сложенный листок бумаги и еще один конверт, поменьше, адресованный «сестре Таняше».

Не успев сообразить, чьей сестре предназначался конверт, Яна развернула листок.

Написанный нетвердой старческой рукой текст гласил: бабушка Наташа слезно просит родных передать письмо ее младшей сестре Татьяне, с которой она пребывает в ссоре, и привет средней сестре Марии, которую давно не видела.

На маленьком конверте обнаружился и адрес. Письмо следовало доставить в город Кавайон, находящийся на юге Франции, а именно в местности, известной всему миру под названием Прованс.

Вот так сюрприз!

Таша, Маша и Таняша

Письмо бабушки Наташи вызвало кучу вопросов. Почему она никогда не рассказывала о сестрах? Если они были в ссоре, то зачем послание? Хотя это, скорее всего, попытка примирения. Но почему сейчас, а не раньше? Ведь, судя по всему, их ссора старше Яны. Иначе какие-то разговоры донесли бы и до нее. А тут ничего. Чистый лист. И родители тоже хороши! У нее целых три бабушки было – Наталья, Мария и Татьяна, – а теперь, судя по всему, осталось две. Или одна? Это тоже надо было уточнить.

Яна взяла в оборот маму, но та или знала не слишком много, или делала вид. Вспомнила несколько ничего не значащих фактов и отмахнулась, дескать, не ее же родственники. Наседать на отца тоже оказалось делом бесперспективным: только плечами пожал и буркнул что-то типа «мне не до этого».

Но Яну уже распирало от любопытства. Кроме того, везти письмо во Францию все равно некому. Кроме нее.

Ей казалось странным, что родители не только не разделяли ее энтузиазма по поводу семейных тайн, но и вообще отнеслись к истории с письмом довольно прохладно. Мама даже предложила отправить его по почте, на что Яна ответила возмущенным монологом о долге перед предками. В конце концов решили, что выполнить последнюю волю покой-

ной все же надо.

Обрадованная Яна отнесла документы в визовый центр и стала искать репетитора, чтобы за пару месяцев подтянуть французский. Вряд ли заграничный паспорт удастся получить раньше.

На дворе последним разноцветьем всюду веселился сентябрь, все приличные репетиторы были давно разобраны мучениками ЕГЭ. Но, перешерстив все варианты, Яна вышла на того, кто считался одним из лучших, мог быстро восстановить ее разговорный и, самое главное, владел несколькими диалектами. Вдруг ему и прованский знаком?

Набирая заветный номер, Яна уповала лишь на везение. Собиралась, если надо, ночевать на скамейке у подъезда преподавателя, но крайние меры не понадобились.

Доцент Бельчиков – так представился специалист по французскому языку, – без удовольствия выслушав ее, попросил время подумать.

Сказано было так, что Яна приняла это за отказ, но на следующий день Бельчиков позвонил сам и объявил о согласии.

– Мне удалось выкроить немного времени после восьми вечера. Вас устроит?

Еще как устроит!

Яна нашла репетитора на факультете романо-германской филологии за столом, заваленным книгами и бумагами. Слегка привстав, Бельчиков кивнул и указал на стул направо.

тив.

– Приятно познакомиться. Начнем.

И все. Никакой посторонней болтовни. Сразу видно, деловой. И внешне приятный. Не старый. Симпатичное лицо. Приветливая улыбка. А по-французски говорит так, что заслушаешься.

Может быть, именно по этой причине Яна получала от занятий кроме пользы еще и удовольствие. В принципе, занятиями их встречи можно было назвать лишь условно. Они просто разговаривали обо всем. Сначала о том, на что хватало ее словарного запаса, но постепенно перешли на более увлекательные темы. Яна рассказала, что собирается во Францию, а точнее, в Прованс, где познакомится со своей двоюродной бабушкой, о которой раньше ничего не слышала. Pourguoi? Доцент поднял светлые брови. C'est une histoire mysterieuse, ответила она.

Ее «загадочную историю» он слушал, почти не перебивая. В нескольких местах поправил, и все. В тот раз их встреча продлилась дольше обычного, но Бельчиков сказал, что доплачивать не надо. Ему приятно убедиться, что ее произношение становится все более аутентичным. Он улыбнулся.

А вообще-то хорошо, что времени для занятий французским не так много, иначе она, чего доброго, влюбилась бы.

Ну или попыталась... Назло некоторым.

Они занимались четыре раза в неделю. Яна понимала, что времени недостаточно, однако то ли репетитор был действи-

тельно хорош, то ли французский не забылся окончательно, но с каждой встречей она чувствовала себя все уверенней. Даже рояль не доставлял ей такого удовольствия. Кстати, в колледже стали это замечать. Марья Андреевна все чаще поднимала брови и морщила губы, слушая ее исполнение.

– Шум, вы вообще занимаетесь? – спросила она наконец.

– О да! Конечно! – пылко ответила ученица.

– Экзамены в консерваторию не за горами. Вы в курсе?

Яна заверила, что в курсе, и изобразила на лице вдохновенное рвение.

Марья Андреевна покачала головой и предложила дополнительные занятия. Потупив глаза, Яна жалобным голосом попросила отсрочку, ведь сейчас она очень нужна своей семье.

Это почти что правда, но, честно говоря, дело даже не в том, что много времени уходило на французский.

Она просто не могла думать ни о чем, кроме поездки.

Из питерского ветра и вечной холодрыги она попадет в солнце и тепло.

«А там еще немного – и Прованс! Ля-ля-ля-ля!»

В увлеченности французским был еще один плюс. Почти не оставалось времени думать об убийстве. Она все равно думала, но гораздо меньше, чем в первые дни.

Да и информация для размышлений почти иссякла. Из полиции добрых – если их вообще можно так назвать – вестей не поступало. Отец еще дважды наведывался в управ-

ление. Приходил мрачный и на вопросы не отвечал, только головой мотал.

Яна понимала: надеяться, что убийцу поймают, особо не следует, но все равно надеялась и утешалась этим.

Однажды вдруг позвонил Бехтерев – она уже и не ждала – и снова стал задавать вопросы о ходе следствия.

Яна почему-то сразу разозлилась, поэтому отвечала уверенно:

– Дело движется. Проверяют версии. Надеюсь, убийцу скоро поймают.

Бехтерев что-то пробурчал в трубку, и Яне почудилось, что сейчас он предложит свою помощь. Не предложил. Да, собственно, какую помощь? В чем? Если уж полиция не справляется, он-то что может сделать?

Теперь ее дни были заполнены до отказа. Занятия в колледже днем, французский вечером, а ночью она снова и снова перебирала семейные фотографии, пытаясь понять, что там у них произошло.

Особенно притягивал к себе снимок, спрятанный вместе с конвертом.

Три девочки в одинаковых платьях, держась за руки, позировали на фоне Дворцового моста. На обороте написано: Таша, Маша и Таняша. Сестры стояли в порядке старшинства. Впрочем, разница была лишь в росте, а остальное... Одинаково наивные лица, косицы, банты. Самая маленькая Татьяна – Таняша. Та самая, которой было адресовано пись-

мо. Улыбка до ушей, искрящиеся весельем глазенки. Милота!

Потом среди страниц одного из фотоальбомов, которые вывезли родители, обнаружилась тоненькая школьная тетрадка в косую линейку. Яна догадалась, что это дневник матери девочек – стало понятно, что отца семейства в сорок первом немцы угнали в Германию. Так случилось, что в самый канун войны он уехал на заработки в какой-то город недалеко от западной границы СССР – там затевалась большая стройка, – а вернуться не успел. Оставшуюся с тремя детьми женщину – Таняше тогда не было и года – перед самой блокадой успели вывезти, но после войны они вернулись в Ленинград. Надеялись, что отец их найдет. О том, что судьба занесла его во Францию, где он осел и пустил корни, семья узнала лишь в шестидесятых. Это был шок. Ни жена, ни две старшие сестры отца не простили. А самая младшая, Таняша, которая родителя ни разу не видела, однажды собралась и уехала к нему в Прованс. Позже выяснилось, что до этого они с отцом несколько лет тайно переписывались.

Яна предположила, что это и стало причиной ссоры сестер. Тогда отъезд за границу на ПМЖ вполне могли счесть изменой Родине. Однако что-то подсказывало – дело было не только в этом. Тем более средняя из сестер, Мария, также подалась во Францию, только гораздо позже, в начале восьмидесятых. Яна нашла открытки, которые та посылала матери. Доказательств, что Маша также жила с отцом, не обна-

ружилось, но на присланных ею фото обе сестры – Маша и Таняша – были вместе и улыбались вполне радостно. Значит, дело не в измене советскому государству?

Тогда кто на долгие годы поссорил сестер? Что было в том письме, которое Яна собиралась взять в Кавайон? Почему бабушка Наташа спрятала конверт в кармашек? Ведь туда могли и не заглянуть! В чем-то сомневалась?

Никто из домашних по-прежнему не хотел ей помогать. Это наводило на определенные мысли. Неужели все так серьезно, что даже просто поговорить родители не считают возможным?

В конце концов перед самой поездкой Яна решила попросить вытянуть из отца хоть какую-то информацию. Как будет выглядеть перед французскими родственниками, когда выяснится, что она вообще не в курсе семейных дел? Не может быть, чтобы отец пребывал в неведении. Надо его прижать хорошенько! После гибели бабушки причин что-то скрывать не осталось.

Кабинет находился в самой дальней комнате большой квартиры, чтобы можно было спокойно встречаться с компаньонами и не бояться помешать домашним.

Яна подумала, что вечером отец будет более склонен к разговору, чем в течение хлопотного дня, но еще из коридора слышала два голоса.

У него гости.

Она все же зашла – целый день не виделись – и увидела

приятеля отца Кира Арнольдовича Венского. Яну всегда интересовало, откуда такое странное имя – Кир. Пыталась расшифровать аббревиатуру, крутила и так, и эдак, но ничего придумать не смогла, а спросить постеснялась.

Кир Арнольдович улыбнулся при ее появлении, схватил руку и поцеловал.

– Добрый вечер, Яна Витальевна. Рад встрече! Не видел вас года два, и за это время вы, несомненно, повзрослели и похорошели!

Комплимент показался Яне дежурным, но все равно было приятно.

– Пап, прости, если помешала, – начала она.

– Ничего, дочка. Мы уже закончили. Кир, надеюсь, ты останешься на ужин? Давно мою семью не видел.

– Ну раз вы приглашаете... – улыбнулся Венский и, ухватившись за край стола, возле которого сидел, тяжело поднялся.

– Сейчас помогу, – вскинулся отец, но Кир Арнольдович отмахнулся:

– Да полно, Виталий! Моя нога – мое богатство. Артрит – не приговор. Я уже привык за столько лет.

– А чего палку не берешь?

– Сломал. Случайно. В метро застряла на эскалаторе, представляешь! Завтра новую привезут, а пока пытаюсь обойтись без подпорки. В конце концов, мне полезно тренировать суставы, так что не суетись. Впрочем, не откажусь

пройти до столовой под ручку с симпатичной молодой особой. Яночка, не откажешь старику?

– Ну какой же вы старик!

– Не упорствуй. Сам знаю, что для молодых те, кому за сорок, – уже глубокие старцы.

– Это для кого как. Мне доставит удовольствие вас проводить, Кир Арнольдович.

Итак, поговорить с отцом снова не удастся. Нарочно, что ли, пригласил Венского на ужин? Хочет избежать объяснений?

Скорей всего, так и есть.

Досадная случайность

И все-таки кое в чем Старик мог дать ему фору.

После досадной неудачи со старухой Он настолько был вне себя, что нахамил начальнику. Совершенно справедливо, кстати, но тут же пожалел и собрался извиниться. Однако начальник оказался настолько неблагороден и злопамятен, что буквально через час после ссоры при всех отчитал его за несданный отчет. Снова не сдержавшись, Он ответил. Этот выпад был еще глупее первого. Начальник побледнел даже, бедняга. Наверное, не ждал такого своеволия от обычно послушного подчиненного.

Старик никогда не позволял себе срываться. Даже в день знаменитой ссоры с патроном, когда тот, брызгая слюной, обозвал Старика грязью в шелковых чулках и пообещал повесить на решетке на площади Карусель, он не услышал в ответ ни слова. Лишь выйдя из покоев императора, Старик с неповторимой миной на лице заметил:

– Жаль, такой великий человек и так дурно воспитан.

Какой мастер-класс по самообладанию! Какой пример для подражания!

Ну почему Он не может всегда быть столь безупречен!

Эта мысль расстроила и не давала успокоиться до вечера. Но потом Он рассудил: если подумать, вся история с русским наследником, в результате которой через два столетия

на свет появился Он сам, говорила об обратном – Старику тоже изменяла хваленая выдержка, оберегавшая от необдуманных поступков.

А появление наследника, несомненно, было необдуманным поступком. Неосторожным. Недальновидным. Глупым, если угодно.

Да-с, глупым.

Все дети Старика были незаконнорожденными. А родилось их не менее пяти. И это только известные. Отпрыски носили фамилии почтенных рогоносцев, замужем за которыми были любовницы Старика.

Все считали, что законного наследника не существует.

Но он имелся, хотя о нем никто не знал. Даже не догадывался.

Матерью ребенка была русская княгиня, особа, весьма близкая ко двору Александра Первого. Грешок случился в Эрфурте. Пока два императора раздумывали над укреплением франко-русского союза, Старик успел завести интрижку и так увлекся, что отрекся от всех своих убеждений. Нет, не так. Убеждений, равно как и принципов, у него никогда не было. И те и другие Старик менял как перчатки. Лучше называть это установками: и насчет чрезмерной любви, и насчет того, чтобы не быть игрушкой в руках женщины.

В данном случае проблема состояла еще и в том, что обольстительница была не замужем. Вернее, успела побывать, но уже два года вдовствовала. Поэтому записать дитя на ро-

гатового, но пребывающего в неведении супруга возможности не оказалось.

Когда любовница сообщила о беременности, Старик понял, что попал в ловушку. Хотя новая женитьба ему не грозила – тогда он все еще числился мужем Катрин, – в случае благополучного разрешения от бремени княгиня потребовала признать ребенка. Авантюристке не нужен был фамильный герб Старика. Она хотела, чтобы ребенок мог претендовать на наследство, уже тогда огромное.

Разумеется, Старик это понимал, и, не будь у княгини в рукаве тайного оружия, осталась бы она с носом.

А всему виной «Кузен Анри» и «Анна Ивановна». Именно так в переписке именовал Старика император Александр. Пресловутая «Анна Ивановна» шпионила в пользу России за спиной Наполеона и, разумеется, делала это ради денег.

С другой стороны, Старик был достоин благодарности русского императорского двора! Именно с его помощью нерешительный самодержец не уступил французу больше, чем положено. Тогда, в Эрфурте, Старик, по сути, спас Россию от окончательного позора! И потом, трудно не согласиться со знаменитой фразой Старика: «Вовремя предать – значит не предать, а предвидеть!»

Каким образом в руки Екатерины – по иронии судьбы русская княгиня носила это несчастливое для Старика имя – попали копии некоторых писем «Анны Ивановны», остается загадкой. Скорей всего, через графа Нессельроде, кото-

рый статс-секретарь императора, о существовании «Кузена Анри», несомненно, знал. Екатерина Засекина была на короткой ноге с супругой графа. А если речь идет о женской дружбе, предполагать можно все что угодно.

Так или иначе, Засекиной удалось припереть к стенке самого ловкого манипулятора всех времен и народов!

Браво и даже брависсимо!

В общем, по итогам мирных и не очень переговоров русская княгиня получила все, что хотела.

Ей была вручена официальная бумага, скрепленная личной печатью Старика, в которой ее ребенок признавался наследником. В залог Засекиной также была передана одна из фамильных ценностей – диадема, в центре которой в обрамлении драгоценных камней красовался герб дома Перигоров.

Надежней залога придумать было невозможно. Уверенная в этом русская интриганка удалилась от двора, чтобы разрешиться от бремени.

В самом начале изысканий Он задавался вопросом, почему законному наследнику так и не удалось воспользоваться своим правом. Баснословное состояние отошло Доротее и ее рожденным от связи со Стариком детям. Как можно было допустить, чтобы богатство уплыло из рук? Он ужасно злился на недоумка, а потом выяснилось, что сын Засекиной узнал, кто был его отцом, лишь перед самой смертью. Доказательства родства он найти не успел и помер, исполненный сожа-

ления. Бедняга!

Наследство давно кануло в Лету. Иногда Он об этом жалел. Особенно о Валансе. В дивном замке, символе могущества Старика, на который по праву мог претендовать наследник, давно устроили музей. Однажды Он там побывал. Долго стоял перед бюро, за которым Старик работал, вгляделся в зеркало, перед которым стоял его знаменитый предок, и прошелся по огромной кухне, где творил Карем, позволивший Старику заявить однажды, что еда есть форма управления людьми.

Так и было! Печально, что уже не будет! И Он никогда не сможет в этом участвовать!

Почти половину прожитой жизни Он вообще не подозревал, что является прямым потомком великого человека. Случайно натолкнулся на упоминание об этом в одном из писем отца, чей архив начал разбирать после смерти родителя. Тогда двадцатилетний студент в это не поверил. Ну бред же! Откуда? Как?

Однако исследовательский азарт и страсть ко всякого рода изысканиям жили в нем с рождения. Разумеется, Он начал копать, даже не особо надеясь на успех.

Прежде всего стал проглатывать все написанное о Старике за двести лет и не нашел ничего, что могло бы подтвердить семейную легенду. Но Он обнаружил другое.

Старик был его альтер эго! Вернее, наоборот! Он стал современным воплощением Старика!

Потрясенный этим открытием, он продолжал углубляться в историю, замороженный личностью, которую равно ненавидели современники и потомки. На какое-то время Он даже забыл о цели своего исследования – так был впечатлен общностью их со Стариком воззрений, привычек и целей.

Да, и целей!

Многие были уверены, что Старик маниакально жаждет власти, но он желал лишь богатства! «Прежде всего – не быть бедным», – сказал он еще на заре карьеры и ради этого был способен на все.

Когда после опалы Старик у удалось получить место министра иностранных дел в правительстве Барраса – мадам де Сталь постаралась, – он воскликнул: «Место за нами, нужно сделать громадное состояние!» Биограф привел эту историю как пример бесстыдной меркантильности Старика, но Он услышал большее. Старик сказал «нужно». Не «можно», а именно «нужно»! Это была не мечта, а конкретная установка. Самопрограммирование.

Так и следует поступать в жизни! Ставить перед собой цель и идти к ней, невзирая на презрение и ненависть людей, копошащихся внизу.

Что ему чужое мнение!

Восхищение Стариком и упоение от одной лишь мысли, что Он в самом деле может оказаться его прямым потомком, погнажи вперед.

И – о чудо! – однажды он все же нашел доказательства на

первый взгляд безумной версии. После этого уже никто не смог бы сдержать его пыл!

Много лет Он потратил на восстановление всех ответвлений русской ветви потомков Старика. Это было самое удивительное и волнующее время в его жизни.

Особенно впечатляющим был результат. Оказалось, что до наших дней дожили лишь две русские ветви рода, но только одна из них шла по мужской линии. Именно к этой ветви принадлежал Он сам. Более того, на данный момент Он был единственным прямым потомком!

Какой inferнальный восторг почувствовал Он, когда все открылось!

Никогда ранее ему не доводилось испытывать ничего подобного.

На всякий случай Он проверил и ту, другую ветвь. Не выродилась. Не была истреблена в войнах.

Потомки Старика вообще были живучи!

Часть потомков по женской линии жила в России, но некоторые осели во Франции. Узнав об этом, Он несколько занервничал, но вскоре выяснил, что переселение стало следствием вывоза немцами из завоеванных земель рабочей силы и далеко идущих целей не имело. Скорей всего, эти представители ответвления даже не догадывались, чьими потомками являлись.

Ну что ж! Все к лучшему!

Однако самое волнующее и интересное началось, когда стало понятно: велика вероятность, что доказательства признания Стариком своего отпрыска в качестве законного наследника – официальный документ и драгоценная диадема – сохранились.

Но где? Стоит ли начинать поиски, и если да, то ради чего? Этот вопрос не давал ему покоя несколько месяцев, пока Он не осознал наконец, что это и есть его генеральная цель. **НУЖНО** найти документ, подтверждающий его принадлежность в великому роду.

Он – естественное продолжение Старика в этом мире!

И человечество должно об этом знать!

Справедливости ради, какое-то время Он считал свои устремления бескорыстным порывом соединить в вечности прошлое и настоящее, мнил себя исследователем тайн истории, желающим к ним приобщиться.

И только.

Но однажды вдруг понял, что виртуального приобщения недостаточно. Точнее, Старик сам сказал ему об этом, посмеявшись над глупцами, которые жаждут лишь величия и славы. «Деньги, деньги, все остальное приложится», – шепнул Старик и стукнул тростью о блестящий паркет залы в старом дворце в Компьене, куда явился, чтобы приветствовать нового патрона – Людовика Восемнадцатого.

И пусть Бурбоны не желали считать его автором Реставрации и своим благодетелем, напротив, высказывали что-то

похожее на гадливость к перебежчику, – при них Старик не только не потерял дарованное Наполеоном, но и приобрел. Гораздо больше. Гораздо!

С этого момента цель жизни стала ясна, понятна и очевидна.

Он найдет документ, скрепленный печатью Старика, и драгоценную диадему с гербом Перигоров. И уж точно распорядится этим богатством с умом. Он явит миру не бедного родственника, а того, кто будет равен Старiku в главном – умении делать деньги.

Ведь Он – часть и продолжение великого корыстолюбца!

Он не будет стыдиться богатства!

Он станет им наслаждаться!

И весь мир окажется у его ног!

На определение мест, где могли быть спрятаны интересные его вещи, ушло непозволительно много времени. А все потому, что поначалу он исследовал лишь те варианты, которые имели прямое отношение к его ветви. Неудача заставила заново оценить ситуацию и расширить круг поисков.

Он оказался прав, и вскоре забрезжила надежда. Нить как путеводная звезда привела его в старый питерский дом, где проживала старуха, принадлежавшая к потомкам по женской линии.

Одному провидению известно, как Он вышел на нее, но вероятность того, что именно в этой квартире могли храниться ценности, была довольно высока. Старуха ни о чем не

догадывалась, хотя Он этого опасался. Ведь тот, кто прятал, делал это для кого-то, а следовательно, должен был передать информацию. Почему этого не случилось, Он так и не узнал, но решил, что это не важно.

Главное, чтобы его догадка подтвердилась.

Под тщательно продуманным предлогом Он побывал в доме старухи несколько раз и догадался, где надо искать.

Как же он затрепетал, когда понял, что в одной из стен квартиры есть тайник!

Но он ошибся.

В тайнике ничего не оказалось. Он был пуст. Совершенно.

Что из этого следовало?

Либо кто-то успел добраться до ценностей раньше него.

Либо их там никогда не было.

По наитию Он выбрал второе и решил, что начнет сначала.

Что касается старухи, то она – лишь досадная случайность.

Как любил говаривать Старик, это уже не событие, это новость.

Линди-хоп

Когда после выписки Яна позвонила ему, Савва уже знал, что тело убитой наконец выдали для захоронения, и ждал, что девушка скажет про похороны. Не дождавшись, решил, что семья, возможно, не хочет видеть никого, кроме близких. Ведь Савва с бабушкой Шум – почему-то про себя он называл старушку только так – знаком не был.

Через некоторое время он взял и позвонил Яне сам.

Конечно же, спросил, как продвигается дело, и услышал в ответ натужно оптимистическую фразу, которую истолковал как предложение отвязаться.

Разговор вышел сухим и формальным до такой степени, что, обругав себя нецензурными словами, Савва решил больше девице Шум своей персоной не надоедать.

О некоторых перипетиях следствия ему по-прежнему рассказывал Башковитов, с которым они почти подружились. Но похвастаться было нечем, и все понимали, что дело грозит стать, как любили говорить менты, «висяком» или «глухарем», как кому нравится.

Других тем для разговора у них с Яной, как видно, не было.

Поразмыслив, Савва решил, что все к лучшему. Правда, на миг – лишь одно мгновение – ему отчего-то стало обидно. Может, оттого, что Яна Шум так легко удалила его из сво-

ей жизни?

Хотя, если честно, забот ему хватало и без романтических соплей. Пусть даже серо-зеленые на пол-лица глаза и казались ему очень красивыми.

Именно в этот день в его размеренной жизни случилось из ряда вон выходящее событие. На голову свалилась несовершеннолетняя дочь Дина вместе с линди-хопом, будь он неладен.

Она просто приехала, и все. Никаких звонков и просьб встретить на вокзале, – ничего такого, что делают нормальные люди.

Звонок в дверь, здравствуй, папа, я к тебе надолго, где туалет, есть не хочу, где я буду спать, мама в курсе, завтра поговорим.

Абзац. Папа в ауте.

Им с Галей было по семнадцать, когда случайный перепихон в общежитии медицинского колледжа закончился беременностью. Галя сразу решила делать аборт, но благородный Бехтерев предложил другой выход – жениться. Тогда Савве нравились все девушки без исключения, Галя была не хуже других, поэтому ситуация представлялась ему в конструктивном ключе. Они поженятся, родится ребенок, а полюбить друг друга времени хватит – вся жизнь.

Однако любви не случилось. Ни сразу, ни потом. По этой причине после колледжа он пошел не в медицинский институт, а в армию.

Да там и остался. Поступил в танковое училище.

Впрочем, было очевидно, что на гражданке его особо никто не ждал. Галя вообще встретила решение мужа стать кадровым военным с воодушевлением. Ехать за ним в какой-нибудь гарнизон она не собиралась, потому что тоже тяготилась взаимным равнодушием. Она была неглупой девушкой и все понимала.

Но родилась Дина, и это обстоятельство продлило брак еще на три года. Потом стало совсем невозможно, и они, облегченно вздохнув, подали на развод – как раз за пару месяцев до тех учений под Брянском.

После развода Галя с девочкой подались к родне в Краснодарский край, или, как говорила бывшая жена, на Кубань. Виделись редко, созванивались тоже нерегулярно, но поскольку родители зла друг на друга не держали, ребенок воспринимал отца позитивно. Во всяком случае, так ему казалось.

Теперь дочери было шестнадцать, и в день похорон старушки она заявила в Питер поступать в танцевальный коллектив.

Савва удивился. По его подсчетам, Дина еще и школу не окончила.

Какой коллектив? С ума, что ли, посходили? Устроит ее в гимназию за углом, а года через два посмотрим!

Привыкнув, что его приказы выполняются здесь и сейчас, к сопротивлению он готов не был.

А зря.

Недаром Дина была плоть от плоти потомственной казачки.

На седьмой день, не желая признавать поражение, Савва сбежал из собственного дома и пару ночей провел у Кривошеева на даче. Время затишья между столкновениями он использовал для выработки стратегии и тактики боя за светлое будущее своего ребенка. А его Савва понимал не иначе как поступление в приличный девчачий вуз, после которого он устроит дочь на приличную девчачью работу.

Для этого надо было всего лишь дожать Дину. Ее документы он втихую уже отнес в гимназию.

Вернулся Бехтерев преисполненный силы. Но обнаружилось, что Дина исчезла.

Это был удар ниже пояса. Он уже представлял реакцию Галины, и эта картина ему не нравилась.

Быстро подключив все существующие связи, ментов (неофициально, разумеется), он лично проверил возможные пути бегства из города.

Обнаружилась непокорная дочь через два дня.

Позвонил капитан из местного отделения, дал адресок, и Савва рванул туда, уговаривая себя при встрече с дочерью ни в коем случае не ругаться матом.

Местечко оказалось домом какого-то творчества, в котором и обитал вышеупомянутый коллектив.

Сделав доброе лицо, Савва поинтересовался на вахте, где

репетирует танцевальная группа, и, не раздеваясь, хотя вахтерша что-то кричала вслед, направился туда, откуда доносилась музыка.

Он даже сразу не понял, что тут происходит. Это вообще репетиция или просто тусовка какая-то?

В большом зале вдоль стен в расслабленных позах сидели, стояли, даже лежали люди в разномастной одежде – блошинный рынок на выезде – и шумели на все лады, заглушая музыку. Он бочком протиснулся за спинами и вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что такого интересного там происходит.

Увиденное заставило его вытаращить глаза.

В середине зала находилось человек десять, которые вытворяли нечто невообразимое. По мнению остолбеневшего Бехтерева, это и танцем назвать нельзя. Выкрутасы – вот слово, подходившее к действию больше всего.

Танцевали парами, но почему-то на полусогнутых. И если руки двигались более-менее узнаваемо, то ноги выкаблучивались по полной. Они вообще жили своей жизнью, причем в бешеном ритме.

С трудом сфокусировав взгляд, Савва попытался отыскать среди зрителей Дину. И тут она материализовалась на танцполе, вынырнув из-за чьей-то спины. Нарядилась она прикольнo: кофтенка да юбчонка, словно привет из шестидесятых.

Партнер – тоже убого одетый – крутанул Дину, они схва-

тились за руки, и понеслось...

Савва не успевал следить за движениями дочери, но и оторвать глаз не мог. Эти хулиганистые, разнузданные вихляния завораживали, заводили и поднимали в его заскорузлой душе незнакомые эмоции. Ну, типа скинуть все лишнее, надвинуть на бесстыжие глаза кепчонку и рвануть вдоль по Питерской, а также по Тверской-Ямской с колокольчиком, крутятся и дрыгаясь.

Это было ново. Савва даже удивился себе.

– Классно двигается Динка! – вдруг услышал он.

– Ее взяли?

– Сразу! И где, интересно, тренировалась?

– Она с Кубани вроде.

– У них что, тоже линди-хоп есть?

– А ты думал, там все такие дремучие, как ты?

Бехтерев осторожно скосил глаза. Девчонка, сказавшая последнюю фразу, стояла рядом и замороженно следила за танцующими.

– А что такое линди – как там – хоп? – вполголоса, чтобы не привлекать лишнего внимания к своей неосведомленности, поинтересовался он.

– Танец такой, – ничуть не удивившись, объяснила девчонка. – Сейчас все от него тащатся.

Савва кивнул. Это точно. Тащатся. И он, кажется, в их числе.

Между тем Дину и ее партнера на танцполе сменила дру-

гая пара. Смеющаяся дочь теперь стояла в толпе, обсуждая что-то с крупной высокой девушкой.

«И ведь не запыхалась даже», — отметил Бехтерев и удивился, что он, оказывается, совершенно не знает своего ребенка.

От слова «вообще».

Прячась за все прибывающей публикой, Савва быстренько выбрался из зала и двинулся к выходу. Хорошо, что дочь его не видела, а то решит, что предок явился крутить ей руки и тащить в ментовку.

Правильно сделала, что сбежала! От таких папаш, как он, надо делать ноги при первой возможности.

Завтра же заберет из гимназии документы и отдаст Дине.

Каждый должен быть со своей стаей. Ему ли этого не знать...

Нырнув с головой в семейные заморочки, Савва на несколько недель выпал из жизни, но однажды вдруг осознал, что где-то в самой глубине души все это время ждал звонка от девицы Шум.

Она не позвонила.

Ну так и отлично! Окончен бал, завяли помидоры!

Однако, прислушавшись к себе, Савва понял, что все же нет, не завяли. Ну а раз так, то первый шаг навстречу должен сделать именно он. Будет уместным позвонить Яне на сороковой день. Просто узнать, в порядке ли она. Разговор на неприятные темы заводить необязательно. Выразить че-

ловеческое сочувствие, и ничего более.

Пока он собирался с духом, снова накатили неотложные дела, и сороковой день Савва благополучно пропустил.

Ну и о чем тогда говорить?

Он приказал себе высморкаться в платочек и заняться насущными проблемами.

А глупости засунуть в... самую глубину мозга.

Впрочем, время от времени Савва вспоминал серо-зеленые, изменчивые, как невская вода, глаза и задумывался, почему девица Шум не выходит у него из головы. Вернее, она то выходит, вот только он не отпускает.

С чего бы это?

Впрочем, любовь – штука экзистенциальная, логике не поддающаяся, а потому торопиться с выводами не стоило.

Взять хотя бы Кривошеева. Его друг, выросший в местах, которые в народе принято называть «не столь отдаленными», в семье поселенца-«химика», и с детства окруженный теми, кто «откинулся с крытой», всех женщин называл одинаково – «дырками». Относился тоже соответственно.

Но однажды в поселке появилась девушка Лиза, переехавшая жить к папаше, старому ворюге. Родителя она не то чтобы сильно любила, но жалела. Мать с отцом давно развелась, жила неплохо, к тому же на берегу теплого моря, да и с Лизой они ладили. Но когда узнала, что бывший муж непутевый один погибает, отговаривать дочь не стала. Надо, значит, надо.

И тут Кривошеева настигла заслуженная кара за циничное отношение к женщинам.

Увидев Лизу, назвать ее «дыркой» он не смог. Зато выпучил глаза и проглотил язык. Так без языка и ходил до того дня, когда пришлось уезжать в армию.

Уже на вокзале увидел ее с подругой и рванулся в последнем отчаянном порыве.

– Люблю тебя. Дождись, – сумел выдавить он, глядя на девушку большими глазами.

Лиза ничего не ответила. Кивнула, и все.

С тех пор прошло пятнадцать лет, и все эти годы Серега носился со своей женой, как с хрустальной вазой. Видевшие их вместе изумлялись. Красавец мужик – косая сажень и все такое – и худенькая маленькая женщина. С виду никакая.

Однажды Серега признался Савве:

– Веришь ли, смотрю на нее и аж зажмуриться хочется. Такая красивая, сплит прямо!

Вот ведь как бывает!

Так, может, и с ним такая петрушка вышла?

Савва испугался даже, но, поковырявшись в своих чувствах, удостоверился, что до этого все же не дошло. Наверное, просто жаль девчонку. Увидеть родную бабушку с проломленной головой – зрелище не для слабонервных. Но ничего, она справилась, хоть и кажется хрупкой.

Кроме того, почти наверняка он девице Шум не нужен. Она и забыла о его существовании.

Иначе позвонила бы. Ну, просто узнать, как у него дела, к примеру.

Так вот ты какой, Прованс!

А девица Шум тем временем собиралась в дорогу и не думала о Савве Бехтереве. Вернее – чего уж там, – старалась не думать. Хорошо старалась.

Ей казалось, что получается.

Весь полет от Москвы до Марселя – с пересадкой в Стамбуле – она улыбалась. Немного неприлично, ведь повод для поездки скорбный, к тому же нет уверенности, что бабушка Таняша будет ей рада, но ничего поделать с собой она не могла.

Шутка ли – увидеть Прованс!

Интересно, в начале декабря там в туфлях ходят или все-таки в сапогах?

Оценить прелесть прованской погоды сразу по прибытии Яна не успела. На выходе после паспортного контроля ее уже ждал парень с табличкой, на которой по-русски было написано ее имя. Подхватив чемодан, встречающий, не говоря ни слова, на крейсерской скорости куда-то понесся, на подземной стоянке сунул вещи в багажник, буквально запихнул Яну в машину, сам пристегнул и, вскочив на водительское сиденье, как в седло скакуна, резво рванул вперед.

Увидеть Прованс в окно автомобиля тоже не удалось. Прилетела она в семь вечера, когда – как всегда на юге – было уже темно, хоть глаз выколи. На место прибыли в полной

черноте.

Перед калиткой, освещенной фонарем, водитель, за всю дорогу не произнесший ни слова, выскочил, нажал на кнопку звонка и стал доставать вещи. Вместе с ее довольно тощим чемоданом он выгрузил какие-то коробки, два ящика с рассадой – да они тут в декабре цветы сажают! – и новенький велосипед. Почему-то Яна решила, что это для нее, и немного вдохновилась.

А то что-то страшновато стало.

Впрочем, окончательно оробеть она не успела – из калитки вдруг выскочила худенькая женщина и повисла у вылезшей из автомобиля Яны на шее.

– Януся, дорогая моя девочка! – по-русски завопила она и громко чмокнула ее три раза.

Это была бабушка Таняша собственной персоной.

Яна улыбнулась и чихнула, чисто от волнения. Таняша сразу потащила ее в дом, и вспотевшая от переживаний путешественница даже не поняла, какая в атмосфере нынче температура.

Зато утром, проснувшись в маленькой комнате на кровати под балдахином, Яна посмотрела в окно и не поверила своим глазам.

Весь двор перед бабушкиным домом был засыпан снегом, а по дороге, хорошо видной со второго этажа – наверх ее отвели сразу после того, как из-за усталости она отказалась от ужина, – мела самая настоящая поземка.

Ничеси! Это она где? В Мурманске, что ли?

Даже глаза потеряла. Вдруг мерещится!

Нет, не мерещилось. За окном Яна заметила прикрепленный к стене градусник. Минус три. А у нее в чемодане – кроме ветровки, в которой приехала, – платья, пара свитеров, ну и джинсовая жилетка. И ведь она же смотрела погоду. Было сказано, что плюс пятнадцать, а дальше еще теплей...

– Я слышу: ты ходишь! – неожиданно раздалось откуда-то снизу.

Яна посмотрела под ноги. Деревянный пол из темных широких досок скрипнул.

– Если проснулась, то спускайся! Завтрак готов! – объявила невидимая бабушка Таняша.

Яна сбежала вниз и поздоровалась.

– Приветик, детка! Давай сразу договоримся, что мы на «ты», – с ходу заявила та. – И учти – никаких бабушек! Зови меня Таняшей. Если хочешь, то на французский манер – с ударением на последнем слоге. Для местных мое имя очень длинное, поэтому они сокращают до Таша. Хорошо, что твое имя короткое, только ударение поменять.

Таша? Надо же, так в детстве называли бабушку Наташу!

Яна собралась сказать об этом, но Таняша уже тащила ее за огромный стол посреди кухни.

– Вижу, ты оголодала с дороги! – заявила она, разглядывая родственницу. – Ну ничего! Это мы поправим!

Яна улыбнулась:

– Мне достаточно салата и фруктов. Овощи я тоже люблю. Спаржу, баклажаны...

Таняша ухмыльнулась:

– Сейчас мы спаржу и баклажаны не едим. Зимняя еда должна согревать и наполнять силой. Хотя рататуем я тебя, так и быть, угощу.

Она начала метать на стол тарелки и плоски с едой. Яна провожала их глазами и не могла сосчитать, сбивалась.

Таняша с явным удовольствием перечисляла:

– Паштет из кролика, террин из индейки, свиные колбаски, запечённая утка. Это холодные закуски. На горячее – мясное рагу. Если не наешься, то добавим. Хотя... чего ждать?

И Таняша выставила на стол тарелку с шариками козьего сыра, блюдо с фруктами, а под конец вынула из старинного пузатого буфета корзинку с хлебом.

Яна разинула рот. Это у них завтрак такой?

Таняша оглядела стол и всплеснула руками:

– Забыла самое главное! – И полезла в холодильник.

– А это... что? – спросила Яна, разглядывая баночку, набитую чем-то желтовато-серым и – сразу видно – очень жирным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.